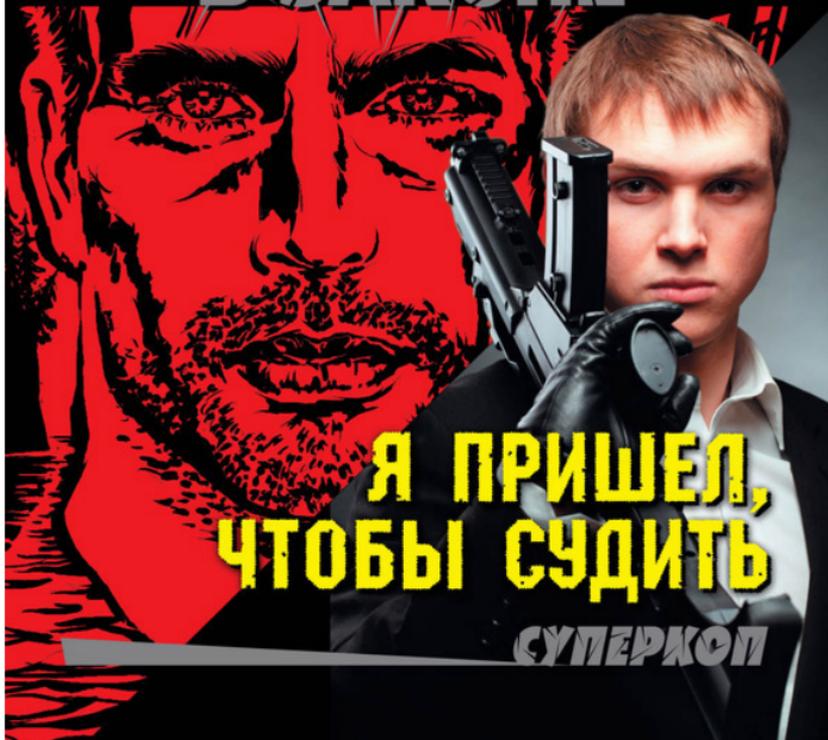

Кирилл
КАЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИК В ЗАКОНЕ

**Я ПРИШЕЛ,
ЧТОБЫ СУДИТЬ**

СУПЕРКОП

Кирилл Казанцев

Я пришел, чтобы судить

Серия «Суперкоп», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949695

Казанцев К. Я пришел, чтобы судить : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58556-4

Аннотация

Если в среде насквозь коррумпированной полиции вдруг появится сотрудник, который объявит войну беззаконию, то его очень быстро сломают. Могут просто уволить по «несоответствию», могут подкинуть компромат и судить. А могут вообще подстроить автокатастрофу. А если у сотрудника стальной характер? Если он прошел закалку в ВДВ? Если он прекрасно стреляет, владеет приемами рукопашного боя, поволчьи умен и хитер и при этом кристально честен? Именно такой лейтенант прибыл для прохождения службы в местный ОВД небольшого уральского городка. Он выбрал этот городок не только потому, что здесь царил махровая коррупция. Была и другая причина: много лет назад здесь при странных обстоятельствах погибла его мать...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Кирилл Казанцев

Я пришел, чтобы судить

Глава 1

Кажется, впервые за долгие годы Антон Копаев обратил внимание на то, что существуют на свете какие-то приятные вещи, которые не укладываются в созданную им схему жизни «нужно – не нужно». Как приятно, оказывается, просто вот так лететь по трассе на машине, подставляя лицо встречному ветру. Именно на обычной отечественной «десятке», без всяких наворотов в виде кондиционера. И очень здорово, что за рулем не ты, – можно не думать о дороге, других машинах, а просто ощущать кожей прохладу, вдыхать ароматы уральской природы и чувствовать, как постепенно отпускает напряжение последних месяцев.

Двадцать пять лет – обычно это весьма безмятежный возраст. Кто-то успел послужить в армии, потом с наслаждением отдохнуть от нее пару годков и уже после начать подумывать о дальнейшей жизни. Кто-то успел куда-то поступить, получить какую-то специальность и даже узнать, как это во взрослой жизни все устроено. Кто-то умудрился жениться и уже почесывал в затылке – а не поспешил ли? В жизни еще столько интересного осталось, а тут дом, пеленки и капризы

жены.

Антон Копаев был человеком иного склада. Цель он себе поставил четко и однозначно еще десять лет назад. И целых десять лет, с упорством далеко не юношеским, к этой цели шел.

Водитель «десятки» оказался человеком словоохотливым. На любую тему он мог говорить сколько угодно, практически пока не появится новая тема. Антон подумал даже о том, что если этого человека запереть в абсолютно изолированную камеру и обеспечить ему настоящий сенсорный голод, то и здесь он молчать не будет, несмотря на отсутствие поступающей информации.

Вот и сейчас, когда не было встречных машин, не приходилось сбрасывать скорость и тащиться за очередным перегруженным дальнобойщиком, он пускался в воспоминания. Темы находились самым чудесным образом. Вон легковушка стоит на опушке. А в прошлом году я бабу одну повез в лесок, чтобы ее... это... А там случилось... Или трактор показался в прогале между деревьями. И сразу шло воспоминание о том, что «у меня брат двоюродный в деревне живет, он на тракторе работает...».

Ну а уж после того, как он выяснил, что Антон в ВДВ служил, полилось словно из рога изобилия. Антон слушал, хмыкал, поддакивал, а думал о своем.

– Ну, вот здесь мы и свернем. – Довольный водитель сбросил газ и плавно свернул на узкий асфальт какой-то второ-

степенной дороги. – Разница километров в сто, дорога терпимая. А если учесть, что все «фуры» по «федералке» идут, пойдем мы с ровной скоростью и через два часа будем в Каменске как миленькие.

– А вы по ней уже ездили? – поинтересовался Антон. – А то, может, без экспериментов?

Водитель одной рукой вытащил из бардачка сложенную карту области и бросил Антону на колени:

– Какие эксперименты, парень, на, смотри, я всю область исколесил вдоль и поперек. Такие дороги знаю, что ого-го! А главное, знаю, где зверь мигрирует. – Это слово мужик выговорил с особым смаком. – У нас ведь только на федеральных трассах знаки ставят «осторожно – дикие животные», а на второстепенных да районного значения каждый сам должен кумекать. Знаешь, что с машиной будет, если даже на шестидесяти километрах с лосем столкнешься? Это как с бетонной стеной. Только стена через тебя не полетит, она тебе «морду» сплющит. А лось, он ведь через крышу полетит. Тут тебе и лобовое стекло вдребезги, и стойкам хана, и крышу до сидений сомнет, да еще и багажнику достанется. После встречи со зверьем машины восстановлению не подлежат. Я вот помню осенью у нас случай был...

И начался новый рассказ из богатой случаями жизни. Антон усмехнулся про себя и стал разглядывать карту, а вот на дорогу впереди посматривал с некоторым беспокойством. Он ведь тоже был уроженцем этих мест и прекрасно знал, что

Средний и Северный Урал – одни из немногих мест, где до сих пор еще выдают охотникам лицензии на отстрел, например, медведей. Машина летела в глубоком зеленом коридоре из высоченных сосен. Лента асфальта плавно извивалась, то поднимаясь вверх, то ныряя в глубокие седловины. На таких спусках приятно захватывало дух. Совсем как на парашютных тренажерах.

– Ешкин кот! – подался всем туловищем вперед водитель и практически лег грудью на руль, всматриваясь вперед. – Вот тебе и сказки! Дорассказывались.

Впереди метрах в двухстах лежала на боку машина и что-то заметно дымилось. Еще одна, похоже иномарка, стояла рядом, возле нее суетились люди. Водитель свернул на обочину и резко затормозил. Антон первым выскочил из кабины и бросился к молодым мужчине и женщине, которые копошились над распростертым телом, одетым в зеленую униформу. Только теперь Антон понял, что на боку лежала инкассаторская машина.

– Что тут случилось? – быстро спросил он, подбегая к растерянным людям. – «Скорую» вызвали?

– Тут низина, мобильники не берут, – раздался рядом еще один мужской голос.

Из-за инкассаторской машины вышел пожилой мужчина в резиновых сапогах и длинном плаще.

– По-моему, он умер, – всхлипнула женщина. – Я пульс не нахожу, и зрачки на свет не реагируют. Он столько крови

потерял.

Антон посмотрел на лежавшего на земле инкассатора, которого, судя по всему, только что вытащили из разбитой кабины. Человек, безусловно, был мертв.

– Как грохнуло впереди, – стал рассказывать мужчина, поднимаясь с корточек, – ну, думаем, авария. Выскочили за поворот, смотрим, тут дым клубится, и колесо еще чуть-чуть вращается. Непонятно, что у них такое случилось? Мы в кабину, а тот лежит с открытыми глазами, и кровища везде. А этот еще дышал, только судорожно как-то. Хорошо, жена медик, давай, говорит, его вытаскивать, кровь останавливать. Она ему рану на шее зажала, а там уже и пульса нет.

– Взрыв был, – показал Антон на пятно раскрошившегося и закопченного асфальта. Приподнялся на цыпочках и заглянул на боковую дверку, которая теперь стала верхней. Та часть, где раньше был замок, теперь топорщилась черным обгорелым и рваным металлом. – Дверь взорвали, – добавил он. – Это ограбление.

– Ясное дело, – вдруг согласился «грибник». – Как полыхнуло, машину сразу и кинуло поперек дороги, а потом она и на бок легла. Те из леса выскочили, подбежали и через переднее стекло из чего-то в кабину стрелять начали. Только не громко. А один наверх залез и тут же вниз спрыгнул. Оно еще раз грохнуло...

– Понятно! – перебил Антон. – Сколько их было? На чем уехали?

– Трое. Только не уезжали они.

– Как не уезжали? – опешил водитель «десятки» и сразу стал оглядываться по сторонам.

– Они вон туда побежали, – указал вправо в сторону леса грибник. – По мешку схватили и бежать.

– Слушай, – схватил водителя за плечо Антон, – дуй за полицией. А еще лучше, попробуй, когда из низины выедешь, вызвать по телефону. А вы, ребята, тут побудьте, вы же важные свидетели.

– Эй! – с тревогой в голосе воскликнул водитель. – Ты чего удумал, парень? Опомнись!

– Нормально все, – отмахнулся Антон. – Я за ними. Не могут же они все время лесом уходить. Километра три или четыре, а потом – проселок, наверняка их там машина ждет. Давайте! Полиция приедет – вы их сориентируйте в направлениях. Я пошел!

Антон глубоко вдохнул, плавно выдохнул и побежал к лесу. Два шага – вдох, два шага – выдох. Он выбирал дорогу таким образом, чтобы не делать резких поворотов, чтобы бег был максимально плавным, а не «рваным». Сейчас главное – не торопиться, а внимательно смотреть на следы преступников, которые те неизбежно оставили. Вряд ли у них была специальная подготовка, и еще у них за плечами мешки, которые норовят зацепиться за ветку, за ствол дерева, за куст.

Вот! Антон ясно увидел на слежавшейся опавшей хвое между соснами места разного цвета. Верхний слой хвои

светлый, высохший как сухарь, а всего сантиметром глубже хвоя прелая, поэтому более темная. Чуть пятку неаккуратно поставил, чуть носком обуви зацепил и тут же вывернул небольшой пласт лесной подстилки. А вот и сухой сучок под чьей-то ногой сломался. Что и требовалось доказать. Направление выбрано верно, а дальше пойдет лес гораздо гуще, там они столько следов оставят, что и слепой найдет.

Сейчас Антон бежал в режиме кросса. По относительно ровной местности за тридцать пять минут он в состоянии пройти в таком темпе пять километров. Но здесь придется лавировать среди деревьев, перепрыгивать через упавшие стволы, продирается сквозь кленовый подрост, через кустарники. Темп упадет. Но и у преступников он упадет, так что в любом случае скорость у него вдвое выше.

Антон вспоминал карту, которая так удачно попала в руки совсем недавно, и высчитывал. С момента нападения прошло... нет, с того момента, как преступники бросились в лес, прошло минут пятнадцать. С их скоростью им этот лесной массив не преодолеть быстрее, чем за час. А ему минут за тридцать. Значит, он их достанет минут через пятнадцать, и никак не позже. Главное, не дать им выйти к шоссе, которое идет с противоположной стороны массива. Два шага – вдох, два шага – выдох. Правильную установку он себе в жизни сделал – уметь надо все, готовым надо быть ко всему. Вот и пригодилась школа десантуры. Что и требовалось доказать. Хотя школа была еще та...

– ...еще раз повторяю для особо тупых! – Здоровенный детина с сержантскими лычками и бочкообразной грудью, обтянутой полосатой майкой, угрожающе обвел взглядом «салабонов». – Слушать сюда! Резкий разбег, нога вот сюда, в центр стенки, толчок, и руки идут вверх. Сразу выходите на упор сверху. Оперлись, нога пошла на переброс, и прыжок. Показываю!

Сержант с невероятной для его габаритов и веса скоростью разбежался. От удара ноги в центр дощатой стенки она завибрировала, как фанерный щит, а сержант был уже наверху. Каким чудом его огромное тело забрасывалось с такой легкостью над препятствием «стенка», было непонятно. Команда, и взвод рванулся на преодоление. Неудача, неудача, четверо перед Антоном соскользнули вниз, так и не выполнив упражнения. Он стиснул зубы и побежал вперед. Черт! Нога соскользнула, руки ухватились за верхнюю кромку, но телу инерции уже не хватило. Стукнувшись коленкой, он спрыгнул на землю.

Наказание последовало всему взводу, хотя человек восемь смогли упражнение выполнить. Закон десанта – делают все! Километровая пробежка в наказание для вымотанных солдат, казалось, добьет всех. Но они пришли к финишу все вместе, хотя и пришлось волочь под руки троих особенно слабых. Это они уже умели. Ничего не умели, а бегать умели. Три километра каждое утро на физзарядке, километр

за полтора часа перед обедом и километр за полтора часа перед ужином. Это не считая ночных тревог с «выдвижением в район сосредоточения» и дважды в неделю марш-бросков на пять километров.

После ужина личное время, и сержанты очень зорко следили за тем, кто и как его проводит. Антон всегда проводил его одинаково. Он упорно делал и делал то упражнение, которое у него не получилось сегодня или вчера. До полного изнеможения, стиснув зубы, иногда до крови, но добивался того, чтобы у него получалось. Его никто не хвалил. Ни за то, что он был выносливее всех в беге, ни за то, что непобедим в рукопашной, так как уже ко времени призыва имел за плечами два года напряженных тренировок в секции восточных единоборств. Никто не хвалил, потому что ему доставалось больше других: заниматься по вечерам с отстающими по рукопашному бою, тащить на себе тех, кто выдохся во время кросса или марш-броска. Закон десанта – умеют все. Умеешь что-то лучше других, значит, помоги тому, кто умеет хуже. Десант своих не бросает.

Но, странное дело, Антон не слышал похвал со стороны командиров, зато слышал упреки со стороны тех, кому помогал в ущерб собственному отдыху. «Прогибаешься», «выслуживаешься», «на хрен тебе это надо». Объяснять никому ничего Антон не собирался. Он учился всему, чему в этот момент жизни и в этом месте мог научиться. Учился с упорством маньяка, потому что у него была цель, и

Антон пер к ней как танк, ломая деревья и разнося по бревнышку деревенские избы. Только ломал не избы и не деревья, он ломал себя.

А потом случился тот самый день. Это было уже в конце срока его службы, во время учений, а точнее, плановой проверки результатов летнего периода обучения в войсках. Разведрота 134-й десантно-штурмовой бригады, в которой служил Антон, была выброшена в бескрайних просторах тайги с задачей преодолеть по тылам противника определенное расстояние и выполнить определенную разведывательно-диверсионную задачу. Один взвод должен был имитировать атаку на батарею тактических ракет, а второй – захватить и удержать железнодорожный и автомобильный мосты. Но самая трудная задача предназначалась для третьего взвода. Он должен был раствориться в тайге и выйти к определенному объекту, не сбившись с пути и к определенному времени. И не дать себя обнаружить раньше срока, и не попасть в засады, и уйти от возможного преследования. Закончиться этот рейд должен был боевыми стрельбами.

А в начале следующего дня заработала рация, включенная на режим приема. Да еще открытым текстом.

– Зацепин, где ты сейчас находишься? – последовал вопрос командира бригады.

– Виноват, не понял? – ответил командир роты капитан Зацепин и весело подмигнул своим бойцам, отдыхавшим по-

лукругом вокруг него на дне распада.

– Твою... – командир бригады сдержался, помолчал секунду и продолжил: – Задача тебе отменяется в связи с чрезвычайными обстоятельствами. В районе ЧП. Несколько особо опасных преступников совершили дерзкое нападение на местное отделение банка. Есть жертвы среди гражданского населения и сотрудников МВД. Мы должны оказать помощь местным органам, и ты со своими орлами сейчас находишься ближе всего к нужной точке.

– Понял вас, – хмуро ответил Зацепин. – Нахожусь в квадрате...

Антон сидел рядом с капитаном и слышал все слово в слово. Потом командир отключился и обвел взглядом двадцать восемь своих бойцов.

– Ребята, учения отменяются, – не очень громко сказал он. – Нам поставлена не учебная, а боевая задача. Группа вооруженных бандитов пытается скрыться в тайге и выйти к железной дороге. Если им это удастся, они останутся безнаказанными. Мало того, что они уносят с собой большие ценности, у них на руках еще и кровь невинных людей, граждан, которых мы с вами поклялись защищать. Вот и пришло время выполнить клятву. Слушай приказ!

Антон смотрел на сослуживцев. Кажется, никто не обрадовался, что не будет участвовать в боевой операции. Капитан приказал сложить все имущество взвода и оставил пятерых для его охраны.

– Почему мы, товарищ капитан? – в нарушение всех уставов насупились десантники, которым выпала это участь.

– В другое время я бы вам за такие вопросики вкатил по... – Зацепин посмотрел парням в глаза. – Я не знаю, сколько времени вам тут придется сидеть. В любом случае до тех пор, пока за вами не придет эвакуационная партия. Вы – лучшие в вопросах выживания, вы сибиряки. Других я просто побоялся бы оставить на несколько дней с запасом пищи на два дня. К тому же не исключено, что на вас могут выйти бандиты, если они разделятся. Получите патроны, из расчета по магазину на человека, и будьте внимательны. Теперь – остальные. С собой взять только полные фляжки с водой и боевые патроны.

Десантники слушали и хмурились. Задача преодолеть к концу дня расстояние в двенадцать километров, выйти в нужную точку на возможном маршруте преступников выглядела бы не очень сложной. К концу дня такое расстояние можно пройти, поплеывая семечки, похлопывая себя по ноге прутиком и сделав два привала с приемом горячей пищи. Можно, но только не в тайге, где нет дорог, где весь лес практически непроходим, за исключением русел ручьев и речушек, некоторых распадков и балок. Да и эти таежные дороги не так легки для передвижения, как кажется.

– Смотрите, – провел карандашом по карте капитан, – вот две точки. Ждать никого не будем. Кто выдохнется, подвернет ногу, кого хватит тепловой удар – все собирают-

ся в этой точке на излучине реки, где широкая отмель, или в этой, где прошлогодняя гарь. Оттуда вас эвакуируют вертолеты. Остальные идут за мной ноздря в ноздю. Учтите, бой, возможно, придется принимать прямо с ходу.

До конца выдержали этот безумный кросс восемь десантников, не считая командира роты. И вот так же Антон бежал, каждый раз выбирая, куда поставить ногу. Два шага – вдох, два шага – выдох. По мокрым окатышам на берегу, по хрустящей каменной мелочи и влажной траве. Потом подъем, все выше и выше по склону сопки, затем без сменили на шаг, дыша с шумом, как киты на мелководье, только с хрипом, и вниз по другому склону сопки, к распадку.

Выйдя на точку, все дружно попадали на траву. И капитан осипшим голосом, с трудом ворочая опухшим языком в сухом, как засыпанный песком колодец в пустыне, рту приказал занять позиции, назначил наблюдателей. И они, уже будучи не в состоянии подняться на ноги, расползались по своим местам. И Антон видел, как у всех страшно вздымаются бока под мокрым камуфляжем. Вздымаются и опадают. Он и сам дышал точно так же. А еще у него дрожали ноги. Но он единственный тогда поднялся, сделал несколько шагов и сел за замшелым камнем, обозревая свой сектор обстрела.

Тогда, наверное, впервые командир его отличил, потому что Антон Копяев был в самом боеспособном состоянии.

– Антон, – хрипло позвал он, одобрительно кивнул и до-

Бавил: – Повнимательнее там, Антон.

Это было сказано так, что стало ясно, здесь, на этом секторе надеются только на него. Потом все было просто. Капитан Зацепин вполне отдавал отчет в том, что остатки его взвода находятся не в самом лучшем состоянии и применить в полной мере свои боевые навыки вряд ли смогут. В полной не смогут, но смогут сделать главное. На них к вечеру вышли шестеро. Злые, уставшие, оборванные, эти шестеро тащились с автоматами и нарезными карабинами. Антон хорошо видел, что двое несли зеленые брезентовые банковские мешки. Потом прозвучала команда «огонь». Зацепин приказал стрелять сразу на поражение, взяв на себя ответственность, а ведь в принципе это могли оказаться и местные охотники. В принципе, с долей вероятности хотя бы в один процент.

Но оказались именно те, кого они ждали, и они положили их всех. А потом еще двое суток ждали, когда придут опергруппа и омовцы. Двое суток рядом с трупами бандитов, имея только остатки воды и возможность развести костер.

Антон все это сейчас вспомнил потому, что ситуация была очень схожей. Тогда он убедился, что подготовил себя на все пять баллов, был горд собой и не рефлексировал по поводу того, что только что стрелял в людей и точно убил двоих. Он тогда очень хорошо сознавал, что это бандиты, убий-

цы, а себя сознавал защитником, правомочным применять оружие, карать.

Антон уже трижды переходил на быстрый шаг и становился с каждой минутой все внимательнее и внимательнее к окружающему его лесу. У него все еще получалось бежать, практически не издавая шума, – подготовка разведчика давала о себе знать. Насколько он помнил, дорога, к которой могли стремиться преступники, должна была проходить примерно с северо-запада на юго-восток. На юго-востоке она упиралась в екатеринбургскую трассу, а на северо-западе имелись как минимум две развилки местного значения. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что уходить нужно именно на северо-запад. Отследить неизвестную машину в том районе будет потом очень сложно.

И Антон прибавил шагу. Ему еще удавалось держать дыхание в определенном ритме, он еще не чувствовал особой физической усталости, но признаки ее могли появиться уже скоро. А ведь он не вооружен, значит, предстоит рукопашная схватка. И еще у Антона появились сомнения, что он идет по правильному следу. Интуиция подсказывала, преступники могли разделиться, и их могла ждать не одна машина, а две или даже три. И он стал забирать немного правее. Если уж не задержать, так заметить марку машины, номер.

Мужика лет сорока он увидел сразу, как только березняк стал немного реже. Серо-зеленая ветровка развевалась и цеплялась за ветки. Свой мешок он то вскидывал на пле-

что, то хватал в охапку. И еще было видно, что он устал. Антон сделал рывок и сократил расстояние до преступника метров до двадцати. И в этот момент мужик обернулся. Антон встретился с его глазами и, к своей радости, прочитал в них недоумение и злобу. Недоумение, непонимание всегда делает человека слабее, безоружнее. Это учителя в него вбили крепко, а злоба мешает сосредоточиться, собраться, сконцентрироваться. Нужно обладать поистине ледяным спокойствием, чтобы уметь побеждать в любых обстоятельствах и находить выход из любого сложного положения. Это Антон тоже давно усвоил. Правда теоретически, потому что применить все свои знания на практике у него возможностей почти не было.

Мужик оглянулся еще пару раз, убедился, что расстояние между ним и этим высоким светловолосым парнем сокращается, и остановился. Точнее, сбросил мешок и стал топтаться на месте, то вскидывая, то опуская руки. Значит, запыхался до предела, понял Антон.

– Кто ты такой, б...? Че те надо? – с трудом переводя дыхание, потребовал мужик, и в его руке мелькнул черная вороненая сталь пистолета.

– Оружие брось, – холодно произнес Антон, тоже остановившись, но стараясь держаться вблизи толстых стволов.

– А ты иди сюда... и возьми... ты мент, что ли?

– Брось оружие, по-хорошему прошу, – твердо продолжал Антон, бегая глазами по лесу в поисках признаков появле-

ния дружков бандита.

– Да я те в... – Мужик изрыгнул грязное ругательство и вскинул руку с пистолетом.

Антон быстро отпрыгнул за толстый сдвоенный ствол березы, и тут же ощутил, как ствол загудел от удара в него пули. Большая щепка, выбитая второй пулей, отлетела далеко в сторону. Антон присел и перекатился, прикрываясь широкой комлевой частью дерева за кустарник. Мужик, осатанев от его наглости, ринется сейчас его убивать. Можно и убежать, делая зигзаги, вряд ли он в таком состоянии попадет, понимал Антон, но времени на эту беготню потеряется очень много. А нужно сделать все быстро и качественно, их еще двое где-то там впереди.

Разозленный бандит в самом деле появился через пару секунд. То и дело вытирая потное лицо рукавом, он выскочил со стволом наперевес и стал озираться в поисках молодого дурака, которому жить надоело. Антон был уже наготове. Удобный камень размером с кулак хорошо лежал в ладони. С пяти метров промахнуться сложно, а если и промахнешься, всегда можно юркнуть за деревья.

Камень вырвался из руки с каким-то даже шелестом, как показалось Антону. Короткий неестественный стук, и камень, отскочив от головы бандита, упал на траву. Мужик дернулся от сильного удара в левую часть лба, пошатнулся и схватился обеими руками за лицо. Между пальцами потекла кровь. Пистолет вывернулся из руки бандита, повисел с се-

кунду на указательном пальце и упал. Антон понял, что достиг цели, и рванулся вперед. Мужик что-то проговорил со стоном, сделал шаг назад, но кулак Антона врезался ему в челюсть крюком сбоку.

Теперь все быстро, думал Антон, не спеши, но делай быстро. Он схватил мужика за воротник и подтащил к не очень толстой березе. Теперь шнурки. Очень удачно, что этот тип нацепил армейские высокие ботинки – берцы. Шнурки длинные, как раз то, что надо. Антон вытянул шнурки, связал их вместе и, усадив бандита спиной к дереву, завел ему руки назад. Шнурки не очень прочная вещь, но, если ограничить связанному человеку доступ к своим рукам, все получится. Он свел мужику руки по другую сторону дерева и связал кисти длинным шнурком. А вот для того, чтобы тот не перетер вязки о кору дерева, есть другой способ у разведчиков – руки пленника нужно «подвесить». В данном случае это можно сделать буквально.

Вытащив из брюк бандита ремень, Антон просунул его под связанные руки и захлестнул за нижний небольшой суцок дерева. Все, теперь рук не опустить и без посторонней помощи не освободиться. Подхватив с земли выроненный бандитом пистолет, он на ходу выдернул магазин – практически полон.

Еще около пяти минут бега, но теперь Антон уже не терял времени и направился прямо к дороге. Дружки связанного им преступника наверняка слышали выстрелы. В их положе-

нии они должны отнестись к этому однозначно – как к сигналу опасности, который подтолкнет их к еще более энергичному бегству.

Вот и дорога! Антон выскочил на асфальт и... И что теперь? Он беспомощно топтался на месте, не зная, что предпринять. Где их искать, куда они могли направиться? Черт! Возвращаться, отвязывать пленника и конвоировать его назад, к разбитой инкассаторской машине? Взял одного, и это уже хорошо.

Рокот мотоциклетного двигателя вывел его из задумчивости. Мотоцикл! Ну, конечно, на чем же еще! На мотоцикле по грунтовкам, по просекам, по редколесью можно уйти куда угодно и замести следы. Только откуда раздается звук? Антон прислушался и принял решение. Теперь он рванул с места с максимальной скоростью, на которую только был способен, мчась по краю дороги и пытаясь определить расстояние до источника звука. Попутно он сделал вывод, что звук мотора несколько необычен, скорее всего, это кроссовый мотоцикл. Хорошо, вещь заметная.

Узкая полоска травы между деревьями хранила еле заметные следы колес автомашины. Неприметный съезд с дороги, но именно оттуда и раздавался звук мотоциклетного мотора. Антон свернул с шоссе и побежал по тропинке в лес. Мотоцикл стремительно приближался, и пора было подумать о том, как его остановить. В крайнем случае можно было начать стрелять из пистолета.

Мотоцикл с высоко задранными крыльями и ребристыми колесами выскочил из-за поворота и понесся прямо на Антона. Молодой парень сидел на нем сгорбившись, или это так казалось, потому что за его плечами виднелся обыкновенный зеленый брезентовый рюкзак. Антон замахал руками, стоя посреди тропы, но мотоциклист даже не сбросил газа, а только, кажется, прибавил скорости. Ну, ты сам этого хотел, подумал Антон со злорадством. Тот сук, возле которого он остановился, был самым лучшим орудием, которое в этой ситуации только можно придумать.

Антон отскочил на край тропы, одновременно нагибаясь. Секунда, и сук уже в его руках. Со всей силой он буквально вонзил его в переднее колесо между спицами. Раздался ужасающий треск ломающейся древесины, легкий гоночный мотоцикл, переднее колесо которого заклинило, с ревом вскинул задом, и его швырнуло вбок. Вопль, грохот железа, рев мотора, бешено вращающееся заднее колесо. Антон даже испугался, что изувечил преступника, на которого грохнулся его же мотоцикл.

Человек слабо шевелился и постанывал. Антон кинулся к нему, однако было и так понятно, что парень ничего себе не сломал, а просто оглушен падением. Антон распустил тесемки рюкзака на его спине и увидел торчащий боком специфический материал с нанесенными на него символами – банковский мешок. Стащив с преступника рюкзак, он проделал с ним ту же процедуру, что и с предшественником. Только

шнурки кроссовок оказались покороче и пришлось дополнительно стягивать за спиной еще и локти брючным ремнем. Парень уже пришел в себя и молча сносил процедуру связывания. Наверное, он посчитал, что Антон из местного уголовного розыска и задавать вопросы просто бессмысленно.

Теперь о третьем преступнике нечего было и думать. Вскинув рюкзак на спину, Антон стал подгонять связанного парня и повел его к дороге. Он попробовал воспользоваться мобильником, но аппарат по-прежнему «не видел» сети. Значит, ждать. Чего-нибудь.

Однако ждать долго не пришлось. Уже издалека он увидел белую «семерку» с проблесковым маячком на крыше. ГИБДД, тоже вариант, потому что у них есть радиосвязь. Антон уложил преступника на землю на краю дороги, бросил рядом рюкзак и вышел на асфальт, подняв руку.

Судя по внимательным напряженным взглядам двух старших лейтенантов, они были уже в курсе нападения. Антон понимал их состояние, поэтому старался вести себя спокойно, без суеты и держать руки подальше от тела. Офицеры вышли из машины, причем один сразу прихватил с собой автомат.

– Лейтенант полиции Кобаев, – представился Антон. – Я ехал со знакомым по трассе, когда мы наткнулись на разбитую машину и услышали от свидетелей о совершенном нападении. Это, – кивнул он на связанного парня, – один из преступников, я сбил его с мотоцикла в лесу. Часть похищен-

ных денег в рюкзаке. Там же, в лесу, связанный второй преступник. А третий, если их было трое, сейчас где-то в этом районе.

Пока один из полицейских угрюмо слушал Антона, держа автомат практически нацеленным на него, второй молча вернулся в кабину и взялся за рацию. Антон зря надеялся на связь, автомобильная рация здесь тоже не брала. Из динамика слышался только треск да обрывки слов. К счастью, слева на спуске показалась еще одна полицейская машина. Майор, приехавший на ней, проверил документы Антона, забрал у него пистолет и отправил своего водителя подняться на машине повыше, чтобы связаться с руководством операции. Через полчаса на обочине стало шумно.

– Ну, ты орел, лейтенант, – хлопал Антона по спине командир омовцев, задрав на лоб свою черную вязаную шапку-маску с прорезями. – Тебя нам просто Бог послал. И главное, как четко по следу-то шел. Еще бы пара минут, и упустил бы ты их. Орел!

Антон терпеливо сносил фамильярности и ждал, когда ему можно будет двигаться дальше.

– Слушай, это вас где так учат? Ты откуда выпустился?

– Из Екатеринбурга, – ответил Антон, – Уральский юридический институт МВД России.

– В этом году, что ли, свежий?

– Ну да.

– Во, смену нам растят в полицейских вузах! – повернулся

омоновец к своим бойцам. – Можно и на пенсию собираться.

Бойцы шумно засмеялись. Антон продолжал молча и терпеливо ждать, глядя на этих молодцов с квадратными фигурами.

– Слушай, Копаев. – Омоновец вдруг стал серьезным: – А давай ко мне!

– У меня распределение, – заметил Антон.

– Да хрен с ним! Вот тоже проблема. Главное, чтобы было твое согласие, а с руководством мы порешаем. Нет таких проблем, которые мы не смогли бы решить! Переделают тебе направление, а мне такие орлы ох как нужны. Это же пять километров пройти и не ошибиться. И дыхалка у тебя что надо, и мозги работают. Взял ты их целыми, а не по частям, хотя и имел полное право.

– Видите ли, товарищ капитан, – вежливо ответил Антон, – я только начинаю службу. Мне бы не хотелось ограничиваться опытом, для которого нужны ноги и мышцы в первую очередь. Не обижайтесь, пожалуйста. Ваша специфика ведь силовые операции, а я хочу научиться большему. И поэтому начать хочу с самой простой и обычной полицейской работы в районном управлении на «текучке». Думаю, там и ноги понадобятся, и руки, и голова.

– Там все понадобится, – со смехом согласился капитан, – а особенно шея, задница и сковородка для нее. Ну, будь, Копаев! Надумаешь, обращайся. Звони прямо мне. Не забудь – капитан Ильин.

Антон кивнул и пошел к машине. Все его вещи, уместившиеся в две большие спортивные сумки, терпеливо ждали на заднем сиденье «десятки». Его полицейская форма с лейтенантскими погонами, бережно укрытая чехлом, висела на плечиках. Ну, вот, усмехнулся он, служба почти началась.

– Слышь, земляк, – подошел сзади водитель «десятки». – Оно, конечно, обстоятельства непредвиденные, и ты как бы герой тут. Только ты и меня пойми. Три часа потеряли почему зря, я бы за это время, знаешь...

– Сколько? – коротко осведомился Антон, поняв, куда клонит нанятый им «частник».

– По времени, так, считай, вдвое.

– Ну, значит, вдвое. Поехали.

Глава 2

– Разрешите, товарищ майор?

– О! Чувствуется хорошо поставленный курсантский голос! – поднял голову начальник кадровой службы. На стеклах очков и гладкой высокой залысине майора одновременно задорно блеснули солнечные зайчики. – Копаев? – спросил он, с кряхтением выбираясь из своего кресла за столом и выходя навстречу лейтенанту. – Ну, с прибытием. Ты, говорят, по дороге успел отличиться, в задержании участвовал. Молодец! Ретивый парень.

– Это чистая случайность, – пожал плечами Антон, которого беспрестанные похвалы стали уже раздражать. – Не будь я полицейским, я поступил бы так же.

– Вдвойне похвально, – кивнул майор и похлопал Антона по плечу. – Четкая гражданская позиция. Давай, располагайся, выкладывай документы. Так-с, что у нас тут? Диплом, да с отличием! Ну, по всем статьям ты кадр достойный, Копаев. Так, характеристика... и спортсмен... Тебе бы в ОМОН с такими статьями, да в столицу, а тебя в ссылку в Каменск. С начальством повздорил или как? Или дочку начальника оприходовал? Было дело, а?

– Не было, – холодно ответил Антон. – А причина самая заурядная – я сам попросился в район.

Майор, продолжая кивать, поднял трубку и попросил зай-

ти какую-то Ксению. Антон, видя, что расспросы временно прекратились, тоже замолчал. Майор что-то бормотал под нос и разглядывал его документы.

– Разрешите, Иван Иванович? – раздался за спиной грудной женский голос.

– Да... – не глядя на дверь, сказал майор, – иди, Ксения... сядь. Принимай крестника, пополнение.

Рядом четко процокали каблучки, и в поле зрения Антона вошла стройная девушка в серой форме, с форменным бантом под воротником и погонами прапорщика. Он внимательно посмотрел на нее. Короткая стрижка типа каре, блестящие карие глаза, точеный профиль и... грудь, которую плотно обтягивала рубашка. Глаза сами были готовы опуститься ниже, где из-под края юбки должны быть видны коленки, но Антон сдержался. После шуточек майора и с первой же минуты демонстрировать интерес к коленкам сослуживцев? Не очень-то хорошая характеристика для молодого сотрудника. Но вообще-то Антона немного заело, что Ксения даже не бросила на него взгляда.

– Так чего к нам-то распределили? – опять спросил майор, пододвигая документы Ксении. Глаза за стеклами очков просто лучились любопытством. – С такими заслугами обычно в городе оставляют, а то и при кафедре.

– Я сам попросил направить меня в район, – тоном автомата повторил Антон. – Полагаю, что здесь могу получить больше полезного опыта, чем там.

– Ну, не хочешь говорить, не говори, – по-своему расценил ответ майор. – И по какой линии ты намерен поработать? Какие у тебя предпочтения?

– Желательно, на оперативной работе, – торопливо произнес Антон и кивнул на свои документы. – Там склонности и показания изложены.

– Там-то изложены, только... извини, в области полагают, а на местах располагают. Вакансий у меня пока на оперативников нет. Пока они были, пока заявки писали, областное начальство рассудило по-своему и немного нам личный состав подсократило. Ну, ничего, придумаем чего-нибудь. Иди с Голубевой, она заведет на тебя личное дело. Только потом не уходи, ко мне зайдешь.

Антон поднялся следом за прапорщиком и тут впервые встретился с ней взглядом. Глаза у девушки были серьезные, но какие-то чуть грустные. Карие глаза всегда выдают эмоции лучше, чем серые или голубые.

– Пойдемте, – коротко сказала Ксения и направилась к двери.

Антон последовал за ней. В пустом коридоре, идя на шаг позади девушки, он смог, наконец, оценить ее фигуру. Стройная, что и говорить, и форменная юбка очень приятно облегает, и ножку в туфлях ставит очень элегантно. Икры немного толстоваты, но от этого вся фигура даже как-то аппетитнее выглядит. Интересно, подумал Антон, она всегда такая неулыбчивая и неприступная или у нее в самом деле

какие-то неприятности? Обидно, если окажется, что она замужем. Хотя, кольца на пальце точно не было.

В кабинете стояло три рабочих стола, но других работников на месте не было. Это Антона вдохновило.

– Значит, вы к нам добровольно, – сказала Ксения, предложив лейтенанту присаживаться, – решили в народ пойти.

Опять, вздохнул про себя Антон, далось им всем это распределение! Зависть, что ли, гложет или в самом деле не понимают, что такое может быть? В институте тоже не все и не сразу поняли.

Парадная лейтенантская форма еще висела дома в шкафу. Они втроем снимали квартиру на старших курсах и в последние дни каждый вечер примеряли кителя, крутясь, как девчонки, у зеркала. Зеркало, кстати, они тоже купили в складчину месяц назад. Официально они наденут новую форму на вручении во время выпускного парада.

Закончились госэкзамены, прошли защиты дипломных работ. Когда они сидели в большой аудитории и заместитель начальника учебной части зачитывал оценки, двоим курсантам, в том числе и Копяеву, по результатам защиты была выдана экзаменационной комиссией рекомендация к поступлению в адъюнктуру. Потом курсанты высыпали в коридор. Кто-то спустился курить на первый этаж в туалет, кто-то топтался у окон и обсуждал последние события или планы на будущее.

Со стороны курсанты выглядели уже немного странно. Они большие походили на щенков-переростков с нелепо длинными ногами, но с еще повисшими ушами. Вроде и форма та же, курсантская, а осанка, движения, мимика, все изменилось, все стало солиднее, важнее. И это неувловимое изменение произошло буквально за последние дни или недели. Антон, как это было чаще всего, бродил по коридору, заложив руки за спину и глядя себе под ноги. В его голове бродили одному ему известные мысли. И даже Коля Сухоруков и Веня Платов, которые считались его приятелями и два года снимали вместе с ним квартиру, затруднялись порой ответить, что у Копаева в голове в тот или иной момент. Был он непредсказуем, замкнут и имел странное мышление. Какое-то не юношеское. Про него иногда даже шутили, что он и не человек вовсе, а инопланетянин, посланный в их институт для установления контакта с начальником кафедры оперативно-розыскной работы полковником Воронцовым. Уж Воронцов, по мнению большинства курсантов, точно обладал нечеловеческим мышлением и мог являться для гипотетических пришельцев братом по разуму...

Наконец всех позвали на комиссию по распределению. Снова аудитория, и монотонный голос секретаря учебной части Валентины Ивановны. Зачитывались фамилии курсантов и Управления внутренних дел по всей Свердловской области, в чье распоряжение тот или иной выпускник распределялся. Дошла очередь и до Копаева. Ребята из его учебной

роты с ухмылками обернулись в сторону Антона. Уж Копаева-то в «тьмутаракань» не отправят.

– Курсант Копаев, Антон Викторович. – Голос Валентины Ивановны звучал торопливо, но, как всегда, внятно и четко. – Главное управление внутренних дел по Екатеринбург. Курсант...

– Антоха, – раздались шепотки, – кучеряво жить будешь!

Все! Завтра в девять ноль-ноль последнее построение. Завтра они покинут стены института навсегда, по крайней мере в качестве курсантов. Завтра они впервые с полным правом смогут надеть кителя с лейтенантскими погонами.

Антон с трудом продрался сквозь толпу пятикурсников и быстрым шагом двинулся по коридору в сторону учебной части.

Валентина Ивановна внимательно посмотрела на него поверх очков, но на все сказанное отреагировала довольно спокойно:

– Копаев, вы что, не могли раньше это обсудить? Времени не хватило, или только сейчас шлея под хвост попала? Вы понимаете, что приказ уже подписан?

– В чем дело? – Перед Антоном возник начальник учебной части полковник Воротников. – Вы недовольны распределением? Я бы на вашем месте прыгал от радости в коридоре!

– Дело не во мне, товарищ полковник, – твердо заявил Антон, – точнее, не только во мне. Курсант Сухоруков распре-

делен в город Каменск, но у него, насколько я знаю, больна мать. Оставить ее здесь он не может, а перевозить больную женщину из... ну, вы меня понимаете.

– А почему Сухоруков сам не обратился заблаговременно с рапортом к начальнику института?

– Видите ли... – замялся Антон. – Постарайтесь понять, насколько ему это сложно. Надо просить, а ведь ему скажут, что надо было раньше думать о матери, лучше учиться. К тому же я считаю, что для меня лично будет гораздо полезнее начать службу в глубинке, а не в тепличных условиях. Там я быстрее наберусь полезного опыта. Короче, товарищ полковник, я твердо намерен добиваться замены направления для себя в Каменск вместо курсанта Сухорукова.

– Ну, что же... – непонятное выражение мелькнуло в глазах полковника. – В принципе ничего сложного тут нет. А я и не знал, что вы друзья с Сухоруковым. Ладно, Копцев, садись, пиши рапорт, толстовец.

Антон уселся и склонился над листом бумаги. Хорошо, что не видно, как его лицо стало буквально пунцовым. Стыдно, но так надо!

– Копцев!

Он обернулся. Полковник Воронцов, как обычно, держал свою большую голову, покрытую редкими, торчащими ежиком волосиками, чуть набок и смотрел на собеседника с прищуром.

– Поздравляю тебя, Копяев, – пожал он руку Антону своей твердой лапницей. – Ну, что, лейтенант полиции, планы на жизнь не изменились?

– Нет, Андрей Павлович, – решительно покачал головой Антон. – Не изменились.

– Ну, ты давай не зарекайся. – Воронцов взял Антона под руку и повел вдоль коридора: – Этот юношеский максимализм пройдет, придет профессиональная зрелость, а с ней и желание приносить пользу не только руками и ногами. Если сейчас решил твердо, то в добрый час, из тебя получится хороший опер, настоящий сыщик. Мышление у тебя подходящее. А вот на будущий год я прошу тебя, Антон, подумать хорошенько. Направление твое лежит в учебной части в личном деле и ждет тебя. Решишь, буду рад. Год поработаешь практически, три года адъюнктуры, а через четыре года мы чего-нибудь придумаем на кафедре для тебя. Наукой с такой головой заниматься надо, наукой.

– Я подумаю, Андрей Павлович, – пообещал Антон, – правда, подумаю.

– Ну иди, – легонько подтолкнул Антона в спину полковник. – Примеряй первые офицерские погоньи.

Уже дома, когда Антон вернулся поздно ночью после долгого брожения по городу, Колька Сухоруков уперся в него хмурым взглядом:

– Ну?

– Что ну? – отмахнулся Антон, у которого не было ни-

какого желания обсуждать этот вопрос.

– На хрена ты это сделал?

– Отстань, Колян! – Антон старательно не глядел приятелю в глаза.

– Антоха... ну, в общем, спасибо. Большой нужды в этом нет, но все равно. Я, честно говоря, думал, что у тебя на уме только ты сам, а ты... не ожидал.

Антон молча вытащил из-под кровати приготовленную большую спортивную сумку и стал вынимать из шкафа свое чистое белье. Если бы Колян знал, насколько он прав...

Начальник кадровой службы посмотрел на часы и решительно стал нажимать кнопки телефона на своем столе.

– Катя, это Мухин, – сказал он в трубку. – Шеф на месте?

– На месте, Иван Иванович. Вас соединить? Сейчас узнаю.

Майор сидел, покусывая губу и слушая, как в трубке секретарь начальника РУВД докладывает о нем, пока, наконец, не прорезался баритон с мягкой хрипотцой:

– Да? Я слушаю.

– Леонид Михайлович, я нашел подходящую кандидатуру. Этот тот новичок, что отличился в задержании у соседей. Он прибыл, сейчас оформляется.

– Новичок? Не зеленват ли для такого дела? Может, кого поопытнее надо?

– Наши, которые поопытнее, и животиками обросли, и сигарет изо рта не выпускают, да и расслабились – у них спе-

цифика иная. А этот Копаев, я посмотрел его документы, это то, что нужно. И спортивен, и с головой вроде все в порядке – диплом с отличием. Отличный стрелок, владеет единоборствами. А главное, он в городе не примелькался.

– Ну, не знаю. То, что молодой, это, конечно, хорошо... а может, ты и прав. Ладно, ты, Иван Иванович, его ко мне приведи через полчаса. Поглядим, что это за отличник боевой и политической подготовки.

А Антон всюду, хотя и не очень умело, флиртовал с Ксенией. Он с удовольствием наблюдал, как теплеют ее глаза и в них начинают появляться задорные искорки.

– В общежитие вам направление выписывать или у вас здесь родственники есть?

– Нет, – махнул рукой Антон, – обойдусь. Я сейчас в гостинице остановился, а завтра постараюсь подыскать квартиру.

– Вы особенно-то на большую зарплату не рассчитывайте, – усмехнулась Ксения. – Не по рангу шиковать собираетесь, товарищ лейтенант.

– Ксения, – укоризненно произнес Антон, – за кого вы меня принимаете? Ни богатых родственников, ни могучих покровителей у меня нет. Выкручусь как-нибудь. А причина простая: вы не представляете, как я за два года армии и пять лет учебы устал от всего казенного, от казармы, от общежития.

– Что, прямо все пять лет и в казарме? – Ксения изобра-

зила на лице ужас и широко улыбнулась.

– Нет, только три года. Да и казармой это в полной мере не назовешь, все-таки не армия. Два последних года с двумя приятелями вот также снимали квартиру. Но... с приятелями – это все равно как общежитие. А хочется, чтобы хоть как-то на свое было похоже, чтобы свой был уют, а не чужой.

– Ну, в чужой квартире все равно все чужое, – пожалала плечами Ксения, – хотя мне, наверное, этого не понять. А вы же, я смотрю, родились в Екатеринбурге, почему же квартиру снимали? У вас родители не там живут?

– Родители... вообще-то я с пятнадцати лет в интернате.

Глаза девушки стали серьезными и смотрели на Антона с сочувствием.

– Что-то случилось, да? – спросила она, и получилось у нее это так тепло и мило, что Антон не удержался от грустной улыбки.

– В пятнадцать я остался без мамы. А отца вообще не помню, они разошлись, когда я маленький был. А куда меня девать в пятнадцать лет, только в интернат. По нашим законам подросткам одним жить нельзя.

– Стойте, а квартира? За вами же квартира должна остаться.

– Должна. Только что-то там в администрации намудрили – поспешили отобрать. Я так понял, что по привычке причислили мое дело к делам трудных подростков, кто в интернат пошел по лишению родительских прав и из-за осуждения

родителей на отбывание наказания. А потом разобрались, но было поздно.

– А добиваться не пробовали? Кулаком по столу!

– Да что вы! – рассмеялся Антон. – Там и добиваться-то не пришлось. Извинялись, отписывались оправдательными бумагами. Просто потом в армию ушел, и мне клятвенно обещали к возвращению предоставить отдельное жилье. А я поступил в институт, и опять вопрос отложили, а тут, после распределения, мне снова пообещали, что я в резерве. Как только надумаю вернуться в Екатеринбург, мне жилплощадь и предоставят. Так что я с жильем, но потенциально.

– Да, история, – покачала головой Ксения. – С нашими чиновниками не соскучишься. Тогда я вас понимаю.

– А вы мне не подскажете, где у вас квартиры сдаются? – брякнул Антон заведомую глупость.

– Не знаю! Как-то не сдавала, не снимала! Может, есть какие-нибудь риелторские конторы или объявления почитать?

– Вот! – обрадовался Антон. – Значит, все-таки можете посоветовать, например, в каких газетах смотреть объявления.

– Вам, будущему оперативнику, нужен мой совет? – сделала хитрое лицо Ксения. – А как насчет выработки оперативной хватки? Самому слабо?

– Честно? – спросил Антон зловещим голосом.

– Честно! – сдерживая смех, согласилась Ксения.

– Если честно, я хотел вас попросить, чтобы вы меня по-

знакомили с вашим славным городом. Ну, что-то в виде экскурсии по местным достопримечательностям. Все это время я так или иначе искал повод для этого.

– Ну и ну! – шевельнула бровями-стрелками девушка. – Молодой и шустрый лейтенант с ходу приглашает меня на свидание? У вас в областном центре все такие хваткие?

Антон посмотрел на Ксению и убедился, что она не сердится. Молоть глупости по поводу того, что этой хватке его учили в институте на кафедре оперативной работы, ему не хотелось. А уж тем более нести всякую пошлятину, мол, увидел Ксению и потерял голову.

– Нет, – спокойно ответил он и улыбнулся простой открытой улыбкой. – Если честно, вы мне понравились. Мне страшно неудобно, что все вот так сразу. Но... какой смысл тянуть неделю или месяц? Попадаться вам на глаза, заигрывать? Как-то глупо... Вот я и решил, что скажу сразу все, как есть. По лбу же вы меня не стукнете, правда?

– Не стукну, – пообещала Ксения и посмотрела на Антона уже с большим интересом.

Майор Мухин ввел Антона в просторный светлый кабинет начальника РУВД. Чувствовалось, что отделку помещения закончили совсем недавно. И в отличие от кабинетов кадровиков с их потемневшими полированными деревянными панелями на стенах отделка тут была вполне современная. Структурные обои, окрашенные вододисперсионной краской, подвесной потолок с квадратными растровыми светильника-

ми, на полу ламинат, правда, с неизменной ковровой дорожкой от двери до стола. И, конечно же, сплит-система, поддерживающая приятные двадцать два градуса.

А вот сам начальник Управления в этот интерьер не вписывался. Тут смотрелся бы, на взгляд Антона, молодежавый подтянутый полковник с резким голосом, деловой лаконичной речью. И очень было бы уместно в этом кабинете шелканье каблучков начищенных до блеска сапог и форменных ботинок. Наверное, сказывалось то, что он, Антон, пять лет провел именно в такой обстановке, в обстановке идеального порядка, четкой военной дисциплины.

Но ничего этого здесь не было. Был майор Мухин, с вытянутыми пузырями коленями форменных брюк и пыльными ботинками неуставного образца, был располневший полковник, с темными пятнами на рубашке в районе подмышек и одутловатым лицом. А еще в кабинете ясно ощущался запах коньяка. Антон в своей тщательно отутюженной новенькой парадной форме, ладно сидевшей на его стройной фигуре, чувствовал себя даже как-то неуютно.

– Ну, проходи, проходи, – прервал полковник доклад Антона о прибытии. – Пополнению мы рады. – Приподнялся в большом кожаном кресле и с улыбкой протянул Антону через стол руку. Маленькие глаза, под которыми висели нездоровые мешки, смотрели по-доброму и весело. – Сразу чувствуется, что наш человек, – кивнул он Мухину. – Еще к работе не приступил, а сразу раскрытие по горячим следам.

– Однако, – неуверенно заметил Антон, – как у вас информация быстро распространяется. Все же другой район.

– Так, милый, ориентировка же пришла, – хмыкнул полковник. – Третий преступник еще в бегах, и по области, естественно, прошла информация. В том числе и с подробностями как самого преступления, так и задержания по горячим следам. Твоя фамилия, Копаев, уже засветилась в областных сводках. Не сегодня завтра жди поощрения из ГУВД области. Неплохое начало! Так куда, Иван Иванович, героя определим?

Мухин, кашлянул, поправил очки, как-то неопределенно покрутил головой и ответил:

– Копаев изъявил желание попасть на оперативную работу. – Только вы ведь помните, Леонид Михайлович, нам все вакансии порезали.

– Да, есть такое дело, – кивнул полковник. – С вакансиями среди оперативников у нас не очень.

– Я думаю, лейтенанта надо срочно определять на любую должность, – заметил Мухин. – Хотя бы на первое время.

Полковник сразу стал серьезным и повернулся к Антону:

– Значит, у нас к тебе, Копаев, будет такое предложение. Его можно было бы назвать приказом, но ты пока не на должности, да и дело не совсем обычное. Но я думаю, что ты осознаешь всю важность своего первого задания и согласишься.

– Я прибыл сюда работать, – твердо проговорил Антон, – и если вы считаете, что мне можно поручить какое-то дело,

я не намерен отказываться.

– Ну... и молодец. Значит, дело вот в чем. Город у нас небольшой, да и живет он благодаря тому, что у нас существует чугунолитейный завод. Как это сейчас называется – градообразующее предприятие. Но власть в городе быть должна, есть у нас своя администрация муниципального образования, есть и свой глава, мэр, человек во всех отношениях достойный – Олег Маркович Рекунов. Очень хороший руководитель, человек, что называется, на своем месте. Для города он сделал и делает очень много, это факт. Но вот беда, находятся мерзавцы, которые мешают работать, мешают жить. Мы, конечно, обстановку в городе контролируем, но тут дело, как бы это сказать, специфическое. С насюка не решишь, такие дела всегда отличаются некоторой щепетильностью.

Судя по тому, как начальник УВД долго и пространно подходит к сути задания, Антон стал подозревать, что задание его будет в самом деле не совсем обычное. Он давно уже усвоил, что зачастую по форме изложения можно довольно точно определить то, что недоговорено. Было очевидно, что от его успеха в предполагаемом деле зависит многое. В частности, отношение к нему руководства Управления в дальнейшем. Как ни долго начальник Каменского РУВД полковник Кулевец подходил к сути, Антон был далек от позывов проявить свою рьяность и начать восклицать, что он готов к любому заданию, что это его долг.

– Дело вот в чем, Копаев, – продолжал полковник, солидно развалившись в своем кресле, – вот уже несколько дней, как нашему мэру начал угрожать неизвестный. Мы, разумеется, в этом направлении работаем, но не все так просто, сам понимаешь. Угроза Рекунову минимальная, потому что не так просто к нему подойти. Да и здание администрации охраняется в штатном режиме, дом его тоже под охраной. Тут вопрос закрыт, но остается один не очень приятный момент. У мэра есть дочь, девочка шестнадцати лет. Попробуй запрети ее в доме! Вот мы и предлагаем тебе побыть некоторое время ее телохранителем. Мало ли что, вдруг этот ненормальный захочет на дочери выместить то, что имеет против ее отца. Понимаешь, мы не особенно верим, что там вообще существует какая-то серьезная угроза, но он отец, он беспокоится.

– Понятно, – ответил Антон. – По этой причине и из города ее не отправит. А вам неудобно настаивать, чтобы она не выходила из дома.

– На лету схватываешь, – похвалил полковник. – Если мы начнем настаивать, получается, что мы соглашаемся, что угроза существует и она очень серьезная, тем самым распишемся в собственном бессилии. Да и чушь там все это.

– Но шанс все-таки есть, что опасность реальна?

– Ну-у... – полковник развел руками и переглянулся с Мухиным, – такой шанс всегда есть, иначе давно бы кого-нибудь из своих приставили к девочке. А нам желательно иметь рядом с ней человека молодого, с хорошей боевой подготов-

кой, спортивного склада.

– И чтобы со стороны не было понятно, что это полицейский, – кивнул Антон. – А я человек здесь новый.

– А ты человек здесь новый, это точно. И не поползут слухи, что полиция семью мэра охраняет. Ну, согласен выполнить такое поручение?

– Так точно, – сухо ответил Антон. – Когда приступать?

Кулевец повернулся вместе с креслом к Мухину с усталым выражением лица. Наверное, он все-таки беспокоился, что молодой лейтенант откажется.

– Значит, что мы теперь должны, Иван Иванович?

– Надо его срочно принимать на любую должность, – ответил Мухин, – чтобы можно было приказом закрепить за ним табельное оружие. А потом не спеша решим, какую должность ему подобрать для постоянной работы.

– Ну, давай, готовь документы, и сегодня мне на подпись. А ты, Копаев, отдыхай пока, с городом познакомься, а завтра утром в кадры. Ну, понятно, что без формы.

Антон поднялся со стула, полагая, что на сегодня инструктаж закончен. Ему понравилось предложение полковника познакомиться с городом. Оно как нельзя лучше совпадало с его желаниями. Будем считать, подумал Антон, что это совпадение, как знак свыше.

Ксения появилась точно в семь вечера. Антон с удовольствием оглядел ее с ног до головы, пока она шла к нему, помахивая маленькой сумочкой. Джинсы модного покроя с

низким поясом, серебристые кроссовочки, легкая куртяшка поверх футболки с глубоким вырезом. Он вдруг осознал, что без формы Ксения выглядит моложе, на все свои двадцать... один, двадцать два, никак не больше.

Покупать цветы Антон не стал. Ему почему-то показалось, что сегодня это будет откровенный перебор, пусть все выглядит как дружеская прогулка.

– Добрый вечер, – шагнул он навстречу девушке. – Форма вам, конечно, к лицу, но без нее вы все-таки более женственная.

– Да? Спасибо, – улыбнулась Ксения. – Ну, куда отправимся?

– Просто покажите мне город в таком порядке, в каком сочтете нужным. Как вам душа подсказывает. Вы ведь здешняя уроженка, он вам родной?

– Да, я здешний абориген. – Ксения закинула сумочку на плечо и двинулась по улице, как Антону показалось, в сторону центра. – Тут родилась, выросла... тут и осталась.

– Учились где-нибудь?

– Понятно, – улыбка Ксении сделалась какой-то напряженной, – человек с высшим образованием считает, что все достойные люди должны обязательно поступить в вуз.

– Ну, что вы, – спохватился Антон. – Я абсолютно...

– Ладно вам! – махнула рукой девушка. – И так понятно. Я в самом деле собиралась поступать в университет в Екатеринбурге. Только... Мама у меня немного странный человек.

Она чуть в больницу не слегла, когда я только заикнулась, что уеду. Такая у нее гипертрофированная материнская любовь. И такие же страхи. Она считает, что со мной обязательно что-нибудь случится, что меня нельзя отпускать одну, что я там попаду под чье-нибудь влияние, что меня изнасилуют или еще что-нибудь. Бывают такие родители.

– А здесь, в Каменске?

– Да что у нас тут есть! Центр дополнительного образования для детей и подростков, профессиональное училище художественных ремесел в Бобровском, школа скорочтения по методике Васильевой. Есть, правда, одно приличное учебное заведение – Социально-экономический техникум. Только профессию надо выбирать по душе, а не для престижа или по необходимости. Социальным работником быть скучно, бухгалтером, экономистом, менеджером тоже не очень хочется. Какое-то все это не мое.

– А прапорщиком?

– Правильно, эта профессия как раз и появилась по необходимости. А может, и в виде протеста. У меня ведь отец военным был, вот мама и не очень испугалась, когда я в школу прапорщиков пошла. Позже, правда, нервотрепок хватило.

– Почему?

– Полтора года в колонии проработала, есть у нас тут недалеко колония общего режима. Потом уж маму пожалела и перевелась из того ведомства в это. А вообще-то, я не знаю, чего жду, – грустно рассмеялась девушка. – Удачи какой-ни-

будь, знака, что ли. Может, наступит такой миг, что мне удастся уговорить маму и переехать в Екатеринбург. А там уж... И что это мы все обо мне и обо мне! – вдруг возмутилась она. – Давайте о городе!

Ксения в самом деле была собой недовольна. Этот новенький лейтенант Антон Копаев, конечно, красавчик и наверняка сам об этом знает, потому что девчонки обязательно должны на него вешаться. Высокий, светловолосый, с холодным взглядом. И фигура под стать! Прямо молодой викинг! Наверное, женщины интуитивно чувствуют в нем скрытую силу и тяготеют к ней. Вот и Ксения повелась.

Но она понимала, хорошо видела, что за всей этой холодной красотой северного бога есть еще что-то привлекательное. И вел он себя на этом странном свидании вполне прилично, даже под руку ни разу не взял. Один только раз подал руку, когда она оступилась с бордюра, и все. И разговоры у него не игривые, не двусмысленные. Обычно парни на первых свиданиях хвосты распускают, хвалятся, кто во что горазд. А этот нет. Станный какой-то.

Антон смотрел на город со смешанным чувством. Всего каких-то восемьдесят километров от Екатеринбурга, а совершенно иной дух витает. Патриархальный. Центральная часть еще напоминала город – пяти- и шестиэтажные дома жилого массива жались к заводским цехам и высоким дымящим трубам. Здесь все было по-настоящему: и вполне современное здание администрации с трехцветным флагом и

неизменной площадью перед ним, и трехэтажное кирпичное здание РУВД. Знакомые вывески универмагов, почты, сбербанка, БТИ, регистрационной палаты. Такие же знакомые, почти родные билборды и растяжки над дорогами.

Но когда они поднялись с Ксенией на смотровую площадку на Бесеновку, то он увидел уже другую картину. Большая часть города – это частный сектор, одноэтажные дома ровными квадратами уходили в одну сторону от завода. А еще дальше, на северной и северо-западной окраине, высились современные коттеджи. Как рассказала спутница, в основном их владельцами были состоятельные жители Екатеринбургa.

– А почему она у вас называется Бесеновкой? – спросил Антон про гору.

– Ой, – рассмеялась девушка, – как у нас ее только не называют: и Бесенковой, и Бесеновкой, и Бессоновой, и Бессоной. Если хотите, то можем зайти в Историко-краеведческий музей. Там вам расскажут, откуда взялось название и какое правильное. А этот крест, – обернувшись показала она на высокий, метров под двенадцать, чугунный православный крест, стоявший чуть повыше, на самой вершине горы, – его поставили тут в XIX веке.

– В честь ознаменования открытия завода?

– У-у, заводу этому лет не счесть! По-моему, никто толком и не знает, когда он открылся. Известно только, что в конце XVIII века он был отписан в царскую казну и вошел в

состав Сысертского горного округа.

– А что за странное название у вашей реки – Сысерть?

– Это на языке коми, переводится что-то вроде «реки с узкой залесенной долиной». Озера и пруды появились уже потом, часть из-за запруд для нужд завода, часть из-за подъема уровня грунтовых вод.

– Спорю на ужин в какой-нибудь местной кафешке, – предложил Антон, – что у вас обязательно есть местные исторические достопримечательности, связанные с какой-нибудь известной личностью.

– Вяло, – рассмеялась девушка, – сделайте ставку посерьезнее.

– Хорошо! Если в вашем городке найдется пять достопримечательностей исторического характера.

– Загибайте пальцы! – азартно воскликнула Ксения. – Дом-музей Бажова, раз.

– Он что, родился у вас? – опешил Антон. – По-моему, я погорячился со ставками.

– Ага, испугались! Нет, родился он в городе Сысерть, это километров пятьдесят от нас, а здесь жил два года и работал после Гражданской войны. Это не столько его дом-музей, сколько дом народного творчества. Излюбленное место для гидов туристических групп. Второе – памятник героям Гражданской войны. Не возражаете? Дальше, третье – комплекс доменных цехов Каменского завода XIX века. Вон там, в исторической части города. Четвертое, вон видите купола?

Собор Симеона и Анны, конец восемнадцатого века. А пятое – вот этот крест над нами. Я выиграла?

– Сдаюсь! – поднял вверх руки Антон. – Готов сопроводить в любое питейное или гастрономическое заведение этого славного города и понести любую кару на любую сумму.

– Тогда следуйте за мной, – величественно вскинула Ксения брови. – Я провожу вас к месту вашей казни.

Смеясь и перешучиваясь, молодые люди стали спускаться по дорожке со смотровой площадки.

– А вообще-то я, конечно, рисковал, – покачал головой Антон. – Урал – есть Урал. Тут такая история, что чуть ли не каждый камень имеет свою историю, имеет отношение к каким-то событиям в каком-то веке. Может, вы, если я вам за сегодня не наскучил, как-нибудь устройте мне экскурсию и по окрестностям? Места тут дикие, просто зачаровывают.

– Хотите на Тальково озеро?

– А там красиво?

– Не то слово! Это маленькое озеро, но глубина у него больше тридцати метров. Бывший карьер по добыче талька. Там очень красиво, особенно в солнечную погоду или утром. Обрывистые берега с зеленовато-белыми разводами, сплошь заросшие густым ельником. А в озеро смотреть страшно, оно аж черное. У нас поговаривают, что на дне немало тел можно найти с привязанными к ногам камнями. Еще с начала девяностых.

– И здесь криминал сферы влияния делил?

– Говорят, – грустно ответила Ксения. – Мы лучше с вами на другие озера съездим, вон туда, – показала она рукой куда-то на север.

На городских улицах стало заметнолюдно, особенно много было молодежи. Антон расспросил и об этом. Оказалось, что на заводе дела идут хорошо, уже лет десять занимаются модернизацией, заказов достаточно. В некоторые цеха даже очередь на вакансии. Естественно, и зарплаты тут хорошие, вот молодежь и перестала уезжать.

– Вон приличное заведение, – показала Ксения. – Там не продают спиртного, поэтому посещают его в основном тихие люди, да еще с детьми. И музыка там хорошая, говорят, владелец – меломан, помешанный на западном ретро семидесятых годов. Хотя, если вы хотите выпить...

– Во-первых, – задумчиво ответил Антон, – я предпочитаю обходиться в жизни без алкоголя. А во-вторых, в такой вечер просто грех туманить голову и терять ясность ума.

Ксения улыбнулась какой-то особенно хорошей улыбкой, и Антон не стал развивать свою мысль о том, почему не хочет туманить голову и терять ясность ума. Все, что он собирался сказать, теперь выглядело как-то пошло и избито. Эх, вздохнул он про себя, не умею я ухаживать за девушками. С ней, наверное, о звездах говорить надо, истории интересные рассказывать. По возможности, героические и из своей жизни. А у нас все наоборот получилось. Она весь вечер меня развлекает рассказами. Стыдоба, господин лейтенант!

– Здесь перелезем? – кивнул он на чугунную изгородь газона. – Или обойдем?

Ему все-таки хотелось перелезть здесь. И к руке прикоснуться удастся, и в темноте пройтись, пока метров двадцать до ближайшего фонаря на аллее, к тому же есть шанс подхватить под локоть, если оступится, а то и под руку провести немного. Хм, кажется, я начал ей увлекаться, поймал себя Антон.

– Вот они, голубки! – раздался неприязненный мужской голос, и со стороны аллеи к низкому ограждению подступили две фигуры. – А я все голову ломаю, что это моя голубка меня сторонится?

Антон почувствовал, как девушка вся напряглась. И сразу отошли на второй план местные достопримечательности, красоты нетронутой природы, колорит и дух старинного городка и провинциальная загадочная красавица. Он как будто опомнился, разогнал одолевшие его романтические мечтания или разогнал дремотный сон. На передний план вылезло нечто уродливое: переулки с разбитым асфальтом, переполненные и заплыванные урны возле деревянных стен продовольственного магазина, посеревшие вершины сосен и елей на склонах горы, к которой прижался своими цехами и орошал дымом чадающих труб завод. А тут еще ясно чувствовался запах алкоголя, ощущалась аура пьяной агрессивности. И Ксения теперь уже не казалась загадочной местной красавицей, а выглядела несчастной местной девчонкой, кото-

рой не удалось выбраться отсюда после школы, и она вынуждена прозябать в тупой глуши без надежды выйти замуж за приличного человека. Человека, который дал бы ей будущее, увез бы, наконец, в областной центр, где она поступила бы в свой юридический институт, пошла работать в приличный офис, а по вечерам ходила в театр.

И эта волна ощущений, которая разом накатила, накрыла с головой и откатила назад, оставила после себя только наглые развязные голоса впереди и испуганную девочку рядом. И еще мрачное, страшное, что копилось многие годы у него в груди.

– Тебе чего, соловей? – с ледяным спокойствием спросил Антон в сторону голоса.

– Гляди-ка, разговорчивый, а? – раздался второй голос, и из темноты выплыли два контура плечистых мужских фигур.

– Не надо, Антоша, – зашептала девушка, схватив горячими пальцами за руку своего кавалера. – Уйдем, не связывайся.

– Да, не бойся ты, – тихо ответил Антон, тоже переходя на «ты». – Это не опасно. Пустяки.

Он решительно отодвинул Ксению за свою спину, шагнул ближе к заборчику и громко произнес:

– Какие проблемы? Ну-ка, покажитесь?

– Ага, – злорадно пробубнил первый голос, – я твоя проблема, твоя самая большая проблема.

Антон не намеревался давать своим потенциальным про-

тивникам возможности перелезть из сквера на проезжую часть. Невысокий заборчик, всего по колено, был удобным рубежом обороны. Он сделал еще шаг вперед навстречу пьяным придуркам, которые не знали, с кем связываются, и усмехнулся:

– Твоя большая проблема в твоей голове. Был бы поумнее, сидел бы дома и читал книжки.

– Ни х... – захлебнулся от возмущения первый голос. – Да я... ты б...

Он был ростом не выше Антона, но в плечах заметно шире. Для человека, хорошо владеющего восточными единоборствами, это не играло никакой роли. Большая масса противника – это даже определенное преимущество, а для самого противника – минус. Кулак незнакомца взвился и понесся сбоку прямо в лицо Антона. Размах был хорош, но силы в нем не было. Этот человек не собирался драться, он собирался унижить, судя по разговорам, своего соперника. Так вопросы не решаются.

В последний момент Антон поймал атакующую руку, чуть изменив траекторию удара мимо своего лица. Одновременно чуть дернул руку на себя, чтобы помочь пьяному увальню потерять равновесие окончательно. Парень «ахнул», поняв, что промахнулся и падает, споткнувшись через чугунный заборчик. Антон позволил ему упасть, впечатав колено в печень в тот момент, когда правый бок противника оказался на нужном уровне. Парень что-то зарычал, согнулся пополам и

рухнул, с грохотом перевалившись через ограждение.

Второй вовремя понял, что дружка сейчас как раз бьют, и ринулся на помощь. Его кулак появился из темноты, но его обладатель, видимо, в темноте видел еще хуже, чем его друг. Антон поставил блок левой, а правой впечатал открытую ладонь парню точно в лоб. У него было отличное ночное зрение, и он этим пользовался.

От удара парень на миг потерял ориентировку, но не растерялся. Он, хотя и несколько сумбурно, попытался ударить левой рукой, а потом еще и ногой. Антон с ироничной улыбкой на лице, которую Ксения, правда, не видела, спокойно отводил удары в сторону, отчего его противник все время терял равновесие и топтался на месте, как больной слон. Можно было отвесить ему хороший хук, но Антону доставляло удовольствие наказывать, ему хотелось, чтобы эти двое запомнили, что не на всякого человека на улице стоит так безрассудно бросаться, можно и по соплям получить.

Первый на земле, наконец, попытался встать, но дыхания ему еще не хватало. Пора было кончать этот спектакль. Еще раз одновременно обеими руками отбив руки противника, Антон нанес очень неприятный удар, которому его в армии научил командир. Очень удобный в рукопашной схватке, особенно на минимальной дистанции. Например, когда ты с противником нос к носу и размахнуться тебе не удастся.

Согнув пальцы руки в положение кошачьей лапы, он без размаха сильно ударил своего противника в лицо. Пять со-

гнутых пальцев одновременно ткнулись в переносицу, в оба глаза, в основание носа. Парень отшатнулся, помедлил и схватился рукой за лицо. Антон понимал, что тот сейчас чувствует. Накатывающая боль в глазах, которая перерастала в боль в голове, в передней ее части, а еще тошнота. Через несколько секунд она его накроет, как медный таз. Он будет корчиться на траве, выворачиваться наизнанку, а лоб будет ломить, как будто трескается пополам.

Этого Ксении видеть не стоило. Антон взял ее под руку и властно повел в сторону тротуара. Вечер был испорчен, хотя чего он ожидал от провинциального города, когда и в областном центре всякой шушеры хватает?

– Что ты с ним сделал? Ты их покалечил? – испуганно спрашивала девушка, не выпуская его руки.

– Нет, конечно, – усмехнулся Антон. – Зачем? Так, практически отшлепал. Никаких повреждений не будет. А что, этот, первый, намекал на какие-то отношения? Ты с ним знакома?

– Да... знакома, – нехотя ответила Ксения. – Вроде как ухаживал за мной пару недель.

– Расстались?

– В одностороннем порядке.

– Понимаю, – кивнул Антон, – не хочешь говорить.

– Да что тут говорить, – недовольно произнесла девушка. – Начиналось все прилично: на свидание приглашал, мороженым угощал. А дальше все по-скотски! Хватать начал,

руки распускать. Вроде как я обязана теперь... Урод! Да еще и пьющий оказался. Терпеть наглых не могу. Наглых и неумных!

– Он, что, тебя теперь преследует?

– Нет, – махнула Ксения рукой, – так обошлось. Не знаю уж, чего на него сегодня нашло такое. Недопил, что ли? Или новая пассия отказала, вот и бесится. А преследовать пусть бы попробовал. Он же в полиции работает, в ГИБДД. Мне только Мухину пожаловаться, сразу неприятностей огребет.

– А второй? Тоже из полиции?

– Не знаю, тип какой-то! Давай не будем о них больше, а?

Глава 3

Пистолет Макарова, который Антону выдали в виде табельного оружия и закрепили за ним в «оружейке», его не особенно устроил, не считал он ПМ приличным оружием. Но когда попытался намекнуть, над ним просто посмеялись и предложили старенький ТТ. Антон отмахнулся. Этот допотопный агрегат, из которого, кроме всего прочего, частенько выпадает магазин из-за ненадежной защелки в рукоятке, его тем более не устраивал.

Вариантов, видимо, не было. Он разобрал пистолет и убедился, что тот хотя бы нормально вычищен. Ладно, решил Антон, раз у меня такое особое задание, надо выбить у Кулевца возможность пострелять из этого «чермета». Хотя бы знать, как он себя ведет при стрельбе, а то хорош телохранитель, который из своего оружия защиты ни разу не выстрелил в мишень.

Начальник РУВД, видимо, созванивался с мэром, потому что помощник дежурного вбежал как угорелый в оружейную комнату и срочно позвал Антона к внутреннему телефону. Звонил Кулевец:

– Все, Антон, дуй в мэрию, узнаешь в «дежурке», где она у нас находится. Запомни – Рекунов Олег Маркович. Он ждет тебя в пятнадцать ноль-ноль. Ну а дальше по обстоятельствам. Если что, докладываешь лично мне. Нет вопросов?

Ну, тогда успехов тебе, лейтенант!

Антон положил трубку на аппарат и посмотрел на настенные часы в дежурной части. Половина третьего. Где находится городская администрация, он знал. «Ну, – сказал он сам себе, – как-то вот так!» Непонятно служба начинается, но все же начинается.

Времени у него в запасе было много, и использовать его Антон решил с толком. Вчера, когда они гуляли с Ксенией по городу, он постарался осмотреться возле здания администрации. Так, на всякий случай. Пусть кто-то и занимался розыском вероятного преступника, возможно, кто-то и был нацелен на предотвращение покушения, но Антон считал, что тоже должен быть готов к различным действиям в различных ситуациях и при различном их развитии. Уж по крайней мере иметь представление, откуда у киллера есть возможность стрелять по окнам кабинета, по входу в здание.

Сегодня он просто бросил дежурный взгляд на ближайшие пятиэтажки за сквером и неторопливо прошел пропускную процедуру. Сначала пришлось звонить из холла по внутреннему телефону секретарше мэра, та позвонила дежурному полицейскому, тот проверил паспорт у Антона и пропустил, записав в журнал его данные. Новенькое служебное удостоверение Антон демонстрировать не стал.

В приемной он представился молодой женщине, которая предложила ему присесть. На часах было без двух минут три. Однако от позитивного настроения его избавили отно-

сительно быстро, ни через пять минут, ни через десять, ни через тридцать в кабинет так и не пригласили. Входили и выходили какие-то люди, кто быстрым шагом, кто неторопливо, кто-то с папками, кто-то с отдельными листочками. Антон стал выяснять у секретарши, доложила ли она о его приходе. Получив положительный, но укоризненный ответ с довереском упрека, что он не понимает всей громадной занятости мэра, Антон заткнулся, согласившись, что ситуации на работе у людей, бывает, складываются по-разному. День на день не приходится.

В десять минут пятого он начал злиться. Для него совершенно очевидным было, что без пятнадцати четыре у мэра началось плановое совещание, это стало понятно по разговорам входящих в кабинет людей. Непонятно было другое – какого хрена было назначать время визита на три часа? Антон настроился на тупое ожидание, и ему удалось продержаться еще минут тридцать. Потом он устал ни о чем не думать и стал думать о Ксении. По закону подлости, именно в это время у мэра закончилось совещание, и его пригласили в кабинет в тот момент, когда оттуда еще выходили сотрудники.

Он потолкался у входа, потом решил все же переждать поток людей. Интересно, как всего-то десяток человек умудрялись долго выходить, да еще создавать водоворот у дверей своими разговорами, обсуждениями, обменом какими-то бумагами. Потом Антону это надоело. Он решительно по-

ложил руку на плечо ближайшему мужчине, который своей широкой спиной перекрывал вход в кабинет, очень веско сказал «разрешите», решительно протерся между еще несколькими сотрудниками и, наконец, оказался в кабинете.

Ну-у! Того, что у главы администрации города кабинет будет посolidнее, чем у начальника РУВД, Антон ожидал. Но чтобы настолько! Конечно же, пластиковые окна, конечно же, вертикальные жалюзи, но качество материала! Здесь все было в бело-розовых и золотых тонах. И жалюзи сочного розового цвета с каким-то золотистым люрексом, и обилие лепнины с золотистым напылением на стенах и потолке, и сам потолок в три уровня с обилием точечных светильников с золотистыми ободками, и, конечно, мебель. У полковника Кулевца стояла в кабинете пусть и дорогая, но, в общем-то, стандартная мебель. Здесь же явно присутствовал спецзаказ, а может, и ручная эксклюзивная работа. Резные стилизованные конструкции имели опять же золотые полоски-вставки по краям плоскостей, и даже кресло мэра отливало золотом.

Раздражение, копившееся почти полтора часа, готово было выплеснуться из Антона при виде всего этого великолепия. Сразу захотелось говорить резкости и дерзости, особенно по поводу отношения к людям, бесцельно и унижительно торчащим в приемной.

За столом сидел мужчина лет сорока, с лицом, несколько напоминающим лошадиное. Какое-то оно было вытянутое и тяжеловатое в нижней части. Или такое впечатление созда-

валось от манеры странно двигать челюсть вперед при разговоре? И своей внешностью мэр тоже вызвал у Антона раздражение. В данный момент из кабинета еще не вышли две женщины, а мэр, активно с кем-то разговаривавший по телефону, сыпал матерщиной, как заводской мастер. Его длинная фигура постоянно меняла позу в дорогом кресле. Он то откидывался назад на спинку кресла, то склонялся над столом, ставя на него локти и растопыривая пальцы левой руки, то разворачивался всем корпусом к окну и начинал отмахивать левой рукой в такт своим веским выражениям. Наконец мэр бросил трубку телефона на аппарат.

– Здравствуйте, – как можно спокойнее сказал Антон, подходя к длинному приставному столу. – Моя фамилия Копаев.

– Заходи, садись, – без всякой любезности кивнул мэр на стулья. И тут же склонился к селектору слева от себя: – Ира! Где там Михайлов? Найди его, нам через десять минут выезжать, а его где-то носит!

– Вы мне назначили на пятнадцать часов, – не удержался от напоминания Антон. – Я вас слушаю.

– Да-а... – Мэр глянул на часы, видимо, думая совсем о другом. – Время, б..., летит, как... Так, ладно, давай с тобой решим. Значит, тебя Кулевец прислал? Чего-нибудь умеешь? Уж больно ты молодой.

– Много чего умею, – стиснув зубы, чтобы не выдать накатившую злость, ответил Антон. – И опыт кое-какой есть,

включая и боевой.

– Спецназ какой-нибудь? – пренебрежительно хмыкнул Рекунов. – Ну, смотри, тебе Кулевец должен был ситуацию объяснить, чтобы я тут время не тратил. Твоя задача прикрыть мою дочь от возможных угроз. Х... его знает, этого урода, что там у него на уме. Твои там разбираются, а жить надо сейчас. В общем, не думаю, что кто-нибудь рискнет нажать себе такие неприятности, но в жизни, парень, бывает всякое. Взбрендит ему похитить Ольгу, а потом меня шантажировать, вот и попляшете потом.

– Из дома ей выходить разрешено? – стал задавать Антон вопросы по существу.

– Ну-у, как бы нежелательно, конечно, – нахмурился Рекунов, – но, с другой стороны, особых причин до такой степени всего бояться тоже вроде бы нет. Я, конечно, рекомендовал ей посидеть дома. Пусть подружек лучше к себе приглашает, вечеринки там всякие устраивают.

– Понятно, – не сдержал усмешки Антон.

Ему очень хотелось прямо спросить: ты, дорогой папаша, не можешь справиться со своей дочерью, или опасность настолько мала, что ты не видишь необходимости ограничивать ее свободу? А телохранитель тебе нужен, чтобы свою значимость подчеркнуть. Правда, он почти дословно предполагал, что услышит в ответ. И, наверное, не только он, а еще и Кулевец.

– А раз понятно, тогда вперед. Я сейчас позвоню домой,

что ты приедешь. И повнимательнее там.

Последнее было произнесено с такой обреченностью, с таким недоверием, что у мэра даже лицо скривилось. Антона это заело, хотя в глубине души он понимал, что это просто такой тип людей, которые во всех видят неумех и считают, что вокруг никто ни в чем не разбирается. Естественно, самих себя эти люди причисляют чуть ли не к гениям, спасителям России или в крайнем случае собственного города. И самое обидное, что они признания своих заслуг требуют материального. Или не требуют, но полагают. И берут самостоятельно.

– Не волнуйтесь, – как можно тверже и холоднее сказал Антон. – Мне в людей стрелять приходилось. Понадобится, буду стрелять еще. А если надо, и собой закрою. Это работа. – Он четко повернулся и вышел из кабинета, злясь на себя. Вот приспичило роль разыгрывать. Как мальчишка, хорохорился! Пора уже привыкать, что начальники вот такие и бывают.

До дома Рекунова от администрации пешком было всего минут сорок, причем неторопливым шагом. Городок вообще имел площадь едва ли больше двадцати квадратных километров. Пройти его из конца в конец можно за час.

Забор из красного облицовочного кирпича выделялся на фоне окружающих строений. Элитный коттеджный поселок начинался несколько дальше. И застраиваться он начал, наверное, гораздо позже. Когда Антон подошел к дому ближе,

то увидел, что на обширном участке у самого забора стоит еще и обычный, правда маленький и очень старый дом. Сразу возникла мысль, что это и есть исконный дом, родовое гнездо мэра. А вот трехэтажное великолепие из такого же красного облицовочного кирпича и с обилием кованых изделий – это уже итог его жизнедеятельности, плоды, так сказать, трудов на благо граждан и земляков. Правда, старенький дом сейчас явно находился в стадии разборки.

У кованых черных ворот Антон разыскал кнопку электрического звонка и нажал ее. Секунд тридцать ничего не происходило, а потом в два голоса заухали чудовищные голоса. То, что собачьи, он не сомневался, а вид этих зверей даже боялся себе представить.

Когда калитка открылась, Антон увидел мужчину в рабочей одежде, но с очень профессиональным взглядом. Как и ожидал, пришлось не просто объясняться, но и предъявлять паспорт. Собственно, в данной ситуации он считал это правильным.

Двор оказался ухоженным и чем-то напоминал фасадную часть территории здания областного правительства в Екатеринбурге. Такая же дорогая тротуарная плитка, которой был вымощен широкий въезд от самых ворот до дома. Ухоженный, хорошего качества газон и несколько деревьев, живописно разбросанных по нему. Вдоль самого въезда красовались стройные туи. Собственно, на месте оказались и обе обладательницы страшных голосов – две огромные кавказские

овчарки с угрюмыми недоверчивыми глазами.

– Меня Михаил зовут, – представился мужчина, одним жестом приведя овчарок в послушание. – Я тут за территорией приглядываю. Пойдем, я тебя к Ольге провожу. Отец только что ей звонил, а то бы она уже умотала.

Антон молча последовал за Михаилом, косясь на собачек.

– А с этими зверями мне как подружиться? Или ты каждый раз провожать меня будешь?

– Не бойсь, – усмехнулся Михаил, – они умные. Ты со мной зашел, значит, свой. А одного они тебя в дом все равно не пустят. Мне так и так калитку открывать.

Открыв наполовину застекленную матовым стеклом дверь, Михаил впустил Антона в маленький тамбур с окном, из которого вторая дверь вывела их в обширный холл, он же, судя по всему, и каминный зал. Постоянство вкусов хозяина ощущалось и здесь. Те же многоярусные потолки, та же лепнина, та же сложная система освещения. Слева в холле было что-то вроде бара, небольшое пространство, отделенное полукруглой стойкой, справа – на пандусе большой стол и несколько стульев с высокими спинками, а прямо по центру – огромный кожаный диван и два кресла. Все это белое великолепие было повернуто лицом к не менее огромному камину и плазменному телевизору над ним. И из-за спинки дивана торчал клочок девичьих волос, который дергался в такт не очень музыкальных звуков, раздающихся из телевизора. Там какие-то темнокожие извивались телами.

– Оля, – позвал Михаил, – это к тебе! От отца!

Над спинкой приподнялась рука с пультом, и звук стал потише. Антон с неудовольствием понял, что ему придется подходить самому, девица не изъявила желания встать ему навстречу.

– Ну, кто там? – раздался унылый, но не лишенный приятных тембров голосок.

Антон махнул Михаилу рукой, что, мол, сам разберется, и решительно обошел диван.

– Меня зовут Антон, – представился он сухо стройному тельцу в очень коротких шортах и не менее коротком топике, открывающем плоский загорелый животик.

На него поднялись зеленые, как изумруд, глаза. Унылое и недовольное выражение девичьего лица сползло, как горячий воск, и вместо него появился интерес. Девушка дернула себя за вихор, который оказался при ближайшем рассмотрении заплетенным стоячим хвостиком.

– А меня – Оля! – чавкая жевательной резинкой и принимая более вертикальное положение, отозвалась она. – Это ты меня будешь охранять? Прико-ольно-о!

– И что тут прикольного? – поинтересовался Антон, усаживаясь в кресло.

– Как что? Как в кино! Помнишь фильм «Телохранитель» с этой... с Уитни Хьюстон? А у тебя тоже меч самурайский есть? Слушай! – Оля чуть ли не подскакивала на своем диване. – А у тебя пистолет есть? Дашь пострелять?

– Не положено. Инструкция, – сурово отрезал Антон, решив придерживаться гипотетической инструкции, которая в принципе могла существовать.

– А ты откуда? Это какая-нибудь организация телохранителей? Агентство какое-нибудь?

– Нет, я офицер полиции.

– Фу-у, я-то думала... А ты в каком звании?

– Лейтенант.

– И все? Скучно как! Я думала, полковник какой-нибудь крутой. Бывший полковник ГРУ! А давай я всем так и буду говорить, что ты полковник?

– Оля! – Антон аж подался всем телом вперед, словно хотел грудью остановить словесный поток подопечной. – Оля, уймись, пожалуйста! Никому ничего говорить не надо. Лучше вообще никому не знать, что у тебя есть телохранитель. И еще лучше пока не выходить из дома.

– И ты такой же, – надула губы девочка. – Какие вы все зануды! Ну, а ты хоть драться-то умеешь? Я так люблю смотреть, когда красиво дерутся!

– Смотреть и я люблю.

– Антон, – голос Оли стал подозрительно заговорщическим, – а можно тебя попросить? Надо одного урода прочить.

– Забудь! – твердо ответил Антон. – Ты же взрослая девушка, понимать должна, насколько все серьезно.

– Взрослая, – согласилась Оля и пододвинулась по дивану

ближе к Антону, томно закатывая глаза. – А ты... спать со мной будешь? Как он в том кино со своей клиенткой?

Антон испугался, что сейчас покраснеет. Он мужественно посмотрел девушке в глаза.

– Мой клиент не ты, а твой отец. Так что если спать, то с ним.

Оля громко захохотала и повалилась на спину, взметнув голые ноги выше головы.

– Ну, ты даешь... ну, приколист! Ой, не могу! Девчонки от тебя в отпаде будут... ну, сказал...

– Все! Повеселились, и будет. Ты сегодня куда-нибудь собиралась?

– Представь себе, что не собиралась. А ты что, жить у нас все это время будешь? Или только сопровождать меня, когда мне куда-нибудь надо будет выйти?

– Или! Если ты сегодня дома, то я пошел. Какие у тебя планы на завтра? Учти, никаких тусовок, ночных клубов, кафе. Только если по делам, максимум в гости или в магазин.

Оля демонстративно улеглась на диван, вытянув стройные обнаженные ноги в сторону Антона и заложив руки за голову.

– А ты можешь вообще не приходить, – дернула она плечиком. – Я – дочка дисциплинированная, если сказали, сидеть дома, то буду сидеть дома. Можешь идти. Когда понадобишься, тебя вызовут.

– Тогда, – полез в карман Антон, выдрал листок бумаги из

записной книжки и написал на нем номер своего мобильного телефона. – Тогда вот тебе номер для связи. Пока!

– Пока, – сделала Оля ручкой.

Антон прошел через холл и вышел на улицу. Звероподобные собаки тут же показались в поле зрения, но агрессии не проявляли. Где-то рядом послышался стук. Антон заглянул со ступеней за колонну и увидел поднятые ворота гаража.

– Михаил! – позвал он.

– Да! – отозвался рабочий, и его голова показалась наружу: – Есть проблемы?

– Пока нет, но будут.

– Оп-па! Поясните.

– Моя подопечная категорически заявила, что сегодня, как и в ближайшие дни, из дома выходить не намерена, поэтому я ей не понадобится.

– Врет, – убежденно заявил Михаил.

– Конечно, врет. Из дома незаметно удрать можно? Какая-нибудь калитка запасная или где-то перелезть?

– За домом есть запасные ворота, которые после строителей остались, мы их на всякий случай держим. А в них и калитка. Замок там фужельный, изнутри легко открывается. Элементарно сбежать можно. Думаю, что Ольга и до семи дома не усидит.

– Слушайте, Михаил...

– Давай на «ты», чего в интеллигентность играть.

– Давай. Так, может, ты мне звякнешь, когда она удирать

будет? Я, конечно, покараулю, но девки – народ предприимчивый, а эта в особенности, могу и проморгать.

Они обменялись номерами, записав их в память своих телефонов. Антон махнул рукой и пошел к калитке. Овчарки проводили его подозрительными взглядами.

Найти точку, с которой была бы видна вся территория двора, не удалось. Антон подумал немного и решил, что Ольга вряд ли будет так уж таиться и удирать через заднюю калитку. Он, конечно, не знал, какие взаимоотношения бытовали в доме, но своенравная дочка наверняка посчитает ниже своего достоинства прятаться от того же Михаила, кем бы он там у них ни был на самом деле.

Устроившись на лавке под тремя березами, которые кто-то устроил в конце переулка, Антон стал ждать. Примерно часа через два калитка в красном заборе открылась, и появилась Ольга, подпрыгивающая на одной ноге и поправляющая «балетку» – модную в этом сезоне обувь у молодежи. Она что-то сказала в сторону двора и захлопнула железную дверь. Почти сразу зазвонил мобильный телефон.

– Антон, она подалась на приключения.

– Вижу, – усмехнулся Антон. – Спасибо, что подстраховал. Пошел охранять.

– Приедет Олег Маркович, я скажу, что она с тобой.

Оля, не оглядываясь, свернула на Соборную улицу, ведущую к центру. Антон последовал за ней, сохраняя дистанцию метров в тридцать. Он, конечно, рисковал, отпуская от

себя клиентку, но сегодня решил охранять ее негласно, держась на расстоянии. Да и не особенно он верил в реальность угроз. Что-то было в голосе полковника Кулевца и самого мэра, когда они ставили ему задачу, будто и сами не особенно верили в серьезность угроз неизвестного. Хотя если кто-то вздумает девочку похитить, то сейчас самый удачный момент. Остановившись на машине рядом, хватай ее, суй в салон и уезжай. Антон даже подбежать не успеет. Если только номер запомнить.

Оля достала из сумочки телефон и стала с кем-то общаться, причем как-то весело. Только бы эта зараза не начала про меня трепаться, подумал Антон и прибавил шаг. Догнал он девочку квартала через три, где она попала прямо в объятия своих друзей. Пять девчонок и трое парней стояли возле блестящего спорткара напротив продовольственного магазина. Поочередно прижавшись щечкой к каждому, Оля влилась в шумную компанию.

Антон откинулся на спинку скамейки на аллее и сложил руки на груди. Блестящая иномарка его беспокоила. На таких обычно любят катать девочек, и на таких обычно любят кататься сами девочки. Только бы Оля не вздумала туда садиться. Он с облегчением увидел, как из магазина вышли два парня с охапкой пивных бутылок. Из группы молодежи тут же откололись две девочки, помахали всем руками, уселись в спорткар, и вся четверка тут же с визгом сорвалась с места, унесясь на запад. Оля с остальными двинулась дальше

по улице.

Антон предпочел пока идти по аллее и следовал за ними, пока компания не добралась до открытого уличного кафе. Там уже горел свет в виде настольных ламп на каждом столике, потому что на улице стало понемногу смеркаться. Ну что же, успокоился Антон, по крайней мере они не собираются мотаться по улице, а так будут под постоянным надзором. Поразмыслив немного, он принял другое решение. Когда компания угомонилась за столиком в углу, обставившись пивом и обложившись пакетиками с чипсами и солеными орешками, он, незаметно и не делая резких движений, прошел к барной стойке и попросил чашку кофе. Потом подумал, заказал еще пару бутербродов и пересел за освободившийся столик у стойки.

Потягивая сок из высокого стакана, Антон наблюдал за посетителями, за компанией Ольги и поглядывал на часы. Он намеревался дать своей подопечной веселиться до одиннадцати ноль-ноль. Вроде бы все вполне прилично, Ольга не прикасается к пиву, а пьет только сок.

Но примерно через час этой мирной идиллии пришел конец. Официантка протискивалась между столиками с бутылками и тарелочками, и какой-то подвыпивший урод ущипнул ее за зад. Девушка от неожиданности отскочила и задела спиной парня из компании Ольги, который уже накачался пивом и отреагировал агрессивно. Что уж он там такого обидного сказал зачинщику скандала, но тот резко встал, от-

чего его стул отлетел в сторону и задел еще один стол. Парень из компании Ольги, кажется, опять что-то сказал, и теперь вскочил дружок зачинщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.